

СВОБОДА В НИКУДА

Выйти — не значит освободиться

«Свобода оказалась
второй дверью в ту же клетку»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ходорев С.В.

18+

Сергей Ходорев

Свобода в никуда

<https://litres.ru/74653478>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Свобода оказалась второй дверью в ту же клетку».

Сергей дождался освобождения. Впереди — Тюмень, город, где никого. Логика простая, как топор: если там никого, значит, никто не отвернётся. Не от кого.

Но воля начинается не с мечты, а с вокзала. Одна сумка. Пустые карманы. Ночь на мокрой лавке. Вчерашний заключённый, который умеет печь хлеб и не умеет просить. Ночлежки, вокзальные пацаны, которых уже не ловят — приучились. Чай из жестяной банки со старым железнодорожником: «Глаза у тебя взрослые — двадцать, а смотришь на сорок». И Аня — тёплая, как печка, со своей непростой жизнью и сыном в интернате. Первое человеческое тепло за всю его жизнь — и он не знает, что с ним делать.

Сергей честно пытается жить. Но у свободы свои правила: она не кормит, не греет и не даёт прописки.

А тюрьма — даёт. Она всегда ждёт своих.

Продолжение жизни Сергея. Книга седьмая. О том, что выйти — не значит освободиться.

Сергей Ходорев

Свобода в никуда

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ СЕРГЕЯ

СВОБОДА В НИКУДА

книга седьмая

Сергей Ходорев

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Тетрадь

Глава 1. Пекарня. Утро

Глава 2. Лёшка

Глава 3. Король

Глава 4. Крыльцо

Глава 5. Песня

Глава 6. Сухарев и воспитательная работа

Глава 7. Последний день в колонии

Глава 8. Утро освобождения

Глава 9. Процедуры освобождения

Глава 10. Первые впечатления свободы

Глава 11. Вокзал

Глава 12. Посадка в вагон

Глава 13. Ночной перекус и встреча

Глава 14. Первый день в Тюмени

- Глава 15. Кофе и будка
- Глава 16. Троллейбус
- Глава 17. Хлебозавод
- Глава 18. Батон и молоко
- Глава 19. Утро на чердаке
- Глава 20. Кран
- Глава 21. Голый день
- Глава 22. Лимонад
- Глава 23. Аллея и чужие объедки
- Глава 24. Встреча
- Глава 25. Сытость
- Глава 26. Цыгане и Тобольск
- Глава 27. Вечер у фонтана
- Глава 28. Почему такая жизнь
- Глава 29. Ночная компания
- Глава 30. Подвал
- Глава 31. Схема
- Глава 32. Пробуждение
- Глава 33. Вокзал. Борода
- Глава 34. Мелкие
- Глава 35. Вечер
- Глава 36. Охрана
- Глава 37. Семья
- Глава 38. Тринадцатый путь
- Глава 39. Под составом
- Глава 40. Яблоки

Глава 41. Чёрная полоса

Глава 42. Вылазка

Глава 43. Проулок

Глава 44. Квартира

Глава 45. Застолье

Глава 46. Ночь

Глава 47. Стыд

Глава 48. Полдень

Глава 49. Чужая одежда

Глава 50. Чай и сын

Глава 51. Боярышник

Глава 52. Дворник

Глава 53. Дворы

Глава 54. Стены слышат

Глава 55. Ночная разведка

Глава 56. Три часа ночи

Глава 57. Дорога

Глава 58. Как карты лягут

Глава 59. Пока идёт

Глава 60. Любовь

Глава 61. Тётя Надя

Глава 62. Молодой

Глава 63. Вина

Глава 64. Подъезд

Глава 65. Не его

Глава 66. Ночь Ани

Глава 67. Пивнушка

Глава 68. Аппараты

Глава 69. Обезьяны и колёсики

Глава 70. Взрослая ступенька

ПРОЛОГ

Сергей писал. Тетрадь лежала на одеяле, ручка привычно ложилась в пальцы — в сломанные когда-то, помнившие всё. Рядом сидела медсестра Нина и гремела тазиком.

— Опять пачкаешь бумагу? Чё пишу-то?

— Книгу. Про то, как люди ломаются. И как некоторые не ломаются.

— А меня запишешь?

— А хочешь?

— Хочу. Только не как «медсестра Нина». А как человек, который тебе тапки принёс, когда ты ещё ноги свои не чувствовал.

— Запишу так и запишу.

— Ну вот. Ешь. Писать не разрешено, но ты же всё равно будешь. Упрямый. Я таких за жизнь наелась — упрямые дольше живут.

Она вышла. Тишина накрыла палату — но теперь в ней было слово «книга». И Сергей стал вспоминать. С самого тёплого места.

ПЕКАРНЯ. УТРО

Утро в пекарне начиналось одинаково: сначала тишина — густая, беззвучная, как под снегом. Потом скрип двери, хлопок рубильника, и агрегаты оживали один за другим: сначала низкий гул тестомесилки, потом сухой треск конвекции в печах. К этому звуку Сергей привык так, что больше его не слышал. Как не слышишь собственного сердца.

Татьяна Петровна пришла раньше него — как всегда, в валенках, хотя на дворе была уже весна и в цеху таял лёд, занесённый на ботинках. Косынка съехала набок, открывая седую прядь, и она привычным движением подвязала фартук под животом — жест, отточенный годами.

— Тестомесилку вторую не трогай, — сказала она, не оборачиваясь. — Там подшипник поёт. Слышешь? Натягивает она. Вечером слесарь придёт, а пока работаем на первой. Бережно.

Сергей наклонился, приложил ладонь к корпусу. Металл дрожал чуть неровно, с задышкой.

— Слышно. Как будто охает.

— Вот именно, охает. Машину жалеть надо, она тебе тоже на жизнь зарабатывает, — Татьяна Петровна шлёпнула ладонью по борту, как по спине лошади. — А ты чего хмурый? Срок на носу, а рожа как в апреле.

— Не хмурый. Думаю.

— Думаешь... — она хмыкнула и подкатила к столу противень с заготовками. — Молодой — думать будет старость.

Работай, Серёжа. Руки пусть думают.

— А у вас руки когда думают?

— Всегда. Они умнее головы, я тебе говорю. Голова утром врёт — «не хочу, тяжело». А руки встают и делают. Вот им и верь.

Они работали вразнобой, но на самом деле — в такт, как старые танцоры. Она подкатывала противень — он уже стоял с раскрытой печью. Он тянулся к лопате — она уже подавала сухую тряпку, потому что знала: у него руки потные, лопата скользит. Ни слова не говорилось, всё — движением.

Так прошли месяцы. Так проходили дни, неделя за неделей, отряд за отрядом, а он стоял между печами и не высывался. Редко пересекался с активистами, держался в стороне. За это время яркие, болезненные флешбэки почти перестали случаться — жизнь шла вперёд, даже если ты этого не хотел.

Сергей стоял у печи, чувствуя, как жар ползёт по коже, въедается в робу, будто хочет напомнить: ты здесь, никуда не денешься. Третья печь — самая капризная: справа она грела сильнее, слева — будто ленилась, и хлеб там всегда получался чуть бледнее, с тонкой коркой. Сергей давно это подметил и теперь ставил формы так, чтобы компенсировать разницу: светлые — ближе к правой стенке, тёмные — к левой. Это была его маленькая хитрость, его негласное правило, о котором он никому не говорил. Даже Татьяне Петровне. Пусть думает, что у него просто руки растут откуда надо.

— Серёжа! Хватит рассиживать! Печи! — снова крикнула Татьяна Петровна, и голос её, резкий, но не злой, резанул по тишине, как нож по тугому тесту.

Сергей улыбнулся — той самой еле заметной улыбкой, которую и не разглядишь, если не присматриваться. Ему нравилось, что она зовёт его по имени. Не «Пешков», не «заключённый», не «эй, ты», а «Серёжа». В этом слове было что-то домашнее, будто за стенами пекарни не колония, не забор с колючкой, не вышки, а просто утро, и кто-то зовёт к завтраку.

— Иду, — отозвался он. — Третья опять вас не слушается?

— А когда она слушалась? — Татьяна Петровна вытерла руки о фартук. — Я её двадцать лет воспитываю. Как пацана какого-то. Не слушается и всё. Ты один на неё настроение нашёл.

— Она не капризная. Она честная. Слева холодно — она и печёт слева холодно. Не врёт.

— Ого, — она посмотрела на него поверх очков. — Печи у нас, значит, честные. Люди врут, а печи честные. Запишу в блокнотик.

Он подошёл к печи, взялся за ручку — она была горячей, но он уже привык, кожа на пальцах загрубела, почти не чувствовала. Открыл дверцу — жар хлынул волной, ударил в лицо, в грудь, будто хотел сбить с ног. Сергей не отступил. Он знал этот жар, умел с ним договариваться: не торопить-

ся, не дёргаться, дать себе секунду привыкнуть. Потом взял прихватки, потянулся к формам.

— Осторожно, горячо! — предупредила Татьяна Петровна, хотя он и сам знал. Она всегда это говорила, даже когда он уже третий месяц подряд вытаскивал хлеб без единой осечки. И он ценил эту заботу — не как слабость, а как знак, что она за него переживает.

— Знаю, — коротко бросил он, вынимая первую форму. Хлеб сидел ровно, корка получилась золотистой, с той самой трещиной посередине, похожей на улыбку. Сергей на секунду задержал взгляд на этой трещине. «Вот оно, — подумал он. — Вот оно — то, что я умею. Не выживать, не прятаться, не лавировать между активистами и отрядом, а делать хлеб. Кормить. Это моё».

Он поставил форму на стол, потянулся за следующей.

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — заметила Татьяна Петровна, не оборачиваясь. Она стояла у другой печи, проверяла температуру, водила ладонью над решёткой, будто чувствовала тепло кожей. — Или это жара так действует? Сергей пожал плечами, не сразу нашёлся, что ответить.

— Да нет... Просто думаю.

— О чём? — спросила она спокойно, без нажима, так, будто это самое обычное дело — спросить у парня, который стоит у раскалённой печи, о чём он думает.

«О Тюмени», — чуть не сорвалось с языка. Но он не сказал. Не потому что не доверял, а потому что слово «Тюмень»

звучало как приговор. Как признание, что скоро всё это кончится: и пекарня, и её «Серёжа», и запах горячего хлеба, и даже этот жар, который он уже почти полюбил.

— Да так... О хлебе, — соврал он, сам себе удивляясь, как легко это вышло. — Вот думаю, почему справа всегда румянее выходит. Надо бы формы переставить.

Татьяна Петровна хмыкнула, будто поняла, что он уходит от ответа, но не стала давить.

— Переставляй. Ты уже лучше меня эти печи знаешь. Я-то привыкла по термометру смотреть, а ты — по запаху.

Сергей снова улыбнулся, уже чуть шире.

— По запаху, — повторил он. — Да, по запаху. Когда запах меняется — из сырого, дрожжевого становится тёплым, корочным, — значит, готово.

— Вот и я про то, — кивнула Татьяна Петровна. — У тебя нюх хороший. И руки правильные.

Эти слова упали в душу, как тёплый кусок хлеба в пустой желудок. Простые, без пафоса, без обещаний — просто констатация факта: «у тебя руки правильные». И от этого становилось легче дышать, будто кто-то тихо сказал: «Ты не зря здесь стоишь. Ты нужен».

— Тётъ Тань, а вас кто так научил? — спросил он, перекладывая батоны на решётку. — Ну — по запаху, по рукам. Это ж не в книжке пишут.

— Мать, — ответила она просто. — Война она войной, а кушать все хотели. Пятеро нас было. Я с семи лет у печи

стояла. Сначала — на табуретке, чтобы доставать. Потом табуретку убрали — я доросла.

— И не устали?

— От хлеба не устают, Серёжа. Устают от безделья и от злости. Хлеб — он как вода: рука сама знает. — Она помолчала и добавила: — Мать моя умерла, не увидев, что я пекарем стала. А я всё равно с ней советуюсь. Каждый день. «Мам, поднимется? — поднимется. — Мам, соли мало?» — мало. Вот и вся психология.

Сергей смотрел на неё и думал, что вот так, наверное, выглядит взрослая жизнь: не тогда, когда тебе много лет, а тогда, когда тебе есть с кем советоваться — хоть с покойницей.

Глава 2

ЛЁШКА

Пока Сергей раскладывал хлеб на решётку, чтобы остывал, в пекарню заглянул Лёшка. Он стоял в дверях, переминаясь с ноги на ногу, будто боялся нарушить эту рабочую тишину.

— Серый, можно? — тихо спросил он, заглядывая внутрь.

— Заходи, — кивнул Сергей. — Тут жарко, но хоть не гоняют.

Лёшка вошёл, втянул носом воздух и зажмурился, как кот, который нашёл тёплое место.

— Как пахнет... — выдохнул он. — Прямо как дома. У бабушки в деревне печка была, и она хлеб пекла. Я малень-

кий был, всё к ней лез, хотел помогать. А она мне тесто давала мять — ну, чтобы не мешал. Я мял, а оно липкое, живое... И я думал, что это волшебство.

Сергей хмыкнул.

— Волшебство... Да, вроде того. Только тут без бабушки. Тут сам всё делаешь. И если ошибёшься — никто не погладит по голове и не скажет: «Ничего, в следующий раз получится». Тут просто будет брак.

Лёшка кивнул, понимая. Он вообще кивал часто — так, будто словами боялся спугнуть то, что ему дают. Ему было лет шестнадцать, худой, с обкусанными ногтями и глазами, которые всё время ждали, что сейчас его прогонят.

— А вам можно тут сидеть? — спросил он. — Ну, мне. Чё, если вызовут — гнать будут?

— Работать будешь — никто не погонит. У нас труд самый уважаемый человек. Даже завхоз перед трудом снимает шляпу. На обед пришёл?

— Не успел. Столовая — очередь, как в морге.

— Так ты бы сказал, — Татьяна Петровна отрезала от свежего батона толстый кусок, намазала маслом, насколько оно было в тот день, и протянула. — Пекари не оставляют голодных. Это закон. Не писанный, но за нарушение — строгие меры: работай на конвейере месяц.

Лёшка взял хлеб двумя руками, как берут что-то живое.

— Ой, спасибо...

— Ешь, ешь. Хлеб остывает. Холодный хлеб — это уже

не хлеб, это память о хлебе.

Лёшка ел молча, старательно, и было видно, что он пытается растянуть удовольствие — кусать понемногу, а не отгрызать.

— А сколько тебе осталось? — спросил он, глядя не на Сергея, а на хлеб, будто так было проще.

— Чуть больше полугода, — ответил Сергей. — Может, чуть меньше.

— И куда потом?

Сергей на секунду замер, будто вопрос ударил не в ухо, а в самое нутро. Он не любил этот вопрос. Он его боялся. Потому что каждый раз, когда он его слышал, перед глазами вставала одна и та же картина: он стоит на вокзале, вокруг люди спешат, у всех свои дела, свои заботы, а он один, и у него нет ни адреса, ни плана, ни руки, которая его удержит.

— В Тюмень, — наконец сказал он. — Думаю, в Тюмень.

— Зачем? — удивился Лёшка. — Там же никого.

— Именно поэтому, — тихо ответил Сергей, сам удивляясь, как точно он однажды это сформулировал. — Если там никого, значит, никто не отвернётся. Не от кого отворачиваться.

Лёшка помолчал, переваривая эти слова. Потом тихо сказал:

— Я бы тоже уехал. Далеко. Но мне ещё год топтать.

— Потопчешь, — спокойно сказал Сергей. — Ты молодой. У тебя всё впереди.

— А у тебя? — вдруг спросил Лёшка, поднимая глаза.

Сергей не ответил сразу. Он посмотрел на хлеб, на золотистую корку, на ту самую трещину, похожую на улыбку. И подумал: «А у меня есть это. Есть руки, которые умеют делать хлеб. Может, этого хватит. Может, я смогу где-то устроиться пекарем. Может, найду место, где меня будут звать по имени, а не по фамилии или по номеру».

— У меня тоже впереди, — наконец ответил он, чуть улыбнувшись. — Просто я в это не очень верю. Но стараюсь верить.

ке не пишут? — Лёшка вдруг спросил. — نام. — А чего вам по — Ну, родные-то. Мать, там...

Сергей не сразу ответил. Он взял скребок и начал чистить стол — медленно, вдавливая лезвие в дерево.

— Не пишут.

— А вы им писали?

— Писал. Два письма за четыре года, — он соскрёб присохший кусок теста. — Ответа не было. Второе даже не проверял — дошло или нет. Зачем? Чтобы потом всю дорогу думать, что оно где-то лежит непрочитанное? Лучше не знать.

Лёшка понял, что задел не то, и замолчал. Татьяна Петровна, услышавшая всё это молча, вдруг громко поставила противень на стол — нарочно громко, чтобы сбить разговор.

— Лёшка, — сказала она. — А ты за срок-то хоть раз пироги пробовал печь? Ну, домашние.

— У бабушки — пробовал. Только она по ботинке полу-

чала, если я к печке совался.

— Значит, бить надо было не тебя, а печку, — хмыкнула она. — Печка не виновата, что к ней пацана не пустили.

— Серый, а научи, — вдруг попросил Лёшка. — Ну, хоть чему-нибудь. Как дрожжи проверять. Как тесто понимать, когда оно готово.

— А тебе зачем? Ты же не в пекарне.

— Так потом-то? — Лёшка понизил голос, будто боялся, что его услышат стены. — Ну выйду я. И чё? Кем буду? А тут хоть что-то в руках будет. Хоть тесто. Его же не отберут, правда? Оно в человеке остаётся.

Сергей посмотрел на него и на секунду увидел в нём себя — себя четырёхлетней давности, новенького, который тоже не знал, что с собой делать и куда себя деть.

— Останется, — сказал он тихо. — Правильно говоришь. Руки не отберёшь. Ладно. Смотри. Дрожжи берёшь в ладонь. Тёплые — живые, будут работать. Холодные, склизкие, с кислинкой — выкидывай, не жалей, не хорони в тесте.

— А если выбросишь, а оно на самом деле живое было? — спросил Лёшка.

— Значит, выбросил живое, — пожал плечами Сергей. — Бывает. Хуже — положить мёртвое в живое. Тогда всё тесто пропадёт. Так и в жизни, понял? Лучше потерять кусок, чем всю партию.

Лёшка замер, будто в этой простой фразе услышал что-то гораздо больше, чем про дрожжи.

— Точно, — сказал он. — Про всю партию...

— И запомни: тесто спешки не любит, — добавила Татьяна Петровна, не оборачиваясь. — Загонешь его — оно тебе же и отомстит. Кривым батон. А кривой батон — это люди без хлеба. Это не шутка, Лёш. Это уже не про тесто.

— А про что?

— Про людей, — она наконец повернулась. — У нас тут всё про людей. Тесто, печи, вода, соль — всё про людей. Кто это понимает — тот пекарь. Кто не понимает — тот работник. Разница огромная, как между домом и общежитием.

Глава 3

КОРОЛЬ

В этот момент в пекарню зашёл Король. Он не спешил, не суетился, шёл так, будто у него впереди вся жизнь, а не остаток срока. Остановился в дверях, вдохнул запах хлеба, потом кивнул Сергею и Лёшке — коротко, по-мужски.

— Привет, — тихо сказал он. — Можно молока? И булку, если есть.

Татьяна Петровна, не поворачиваясь, махнула рукой в сторону стола.

— Бери. На полке. И кружку там же.

Король подошёл, взял кружку, налил молока из бидона, отрезал себе кусок хлеба — не самый большой, но и не самый маленький, ровно столько, сколько нужно. Сел на табурет в углу, начал есть. Молча. Спокойно.

Сергей смотрел на него и думал: «Вот он. Держит себя с достоинством. Даже тут, в колонии, даже когда вокруг всё давит и ломает, он остаётся Королём. Не потому что сильный, а потому что знает себе цену».

Лёшка покосился на Короля, потом снова на Сергея.

— Знаешь, — тихо сказал он, — иногда мне кажется, что мы тут все ждём чего-то. Кто-то ждёт освобождения, кто-то — письма, кто-то — просто, чтобы день прошёл без проблем. А ты... ты ждёшь Тюмени. Как будто она — твой выход.

Сергей хотел отмахнуться, сказать что-то лёгкое, но не смог.

— Да, — признался он. — Жду. Боюсь, но жду. Потому что тут я знаю правила. Тут я знаю, как выжить. А там... там я не знаю. Но надо попробовать. Иначе трясина затянет.

— А ты не боишься, что опять то же самое будет? — Лёшка понижал голос всё сильнее. — Ну, на воле. Что опять... ну, неправильно пойдёшь?

— Боюсь, — сказал Сергей честно. — Только я заметил одну вещь. Страх — он как печь. Стоишь перед ней — страшно, горячо, руки дрожат. А потом возьмёшь прихватки — и работаешь. Страх не уходит. Ты просто учишься работать рядом с ним.

Король, доев хлеб, поднял глаза.

— Трясина не затягивает тех, кто идёт, — тихо сказал он. — Она затягивает тех, кто останавливается. Кто думает:

«Всё равно ничего не выйдет». Ты не останавливайся, Серый. Даже если будет казаться, что ты идёшь в пустоту. Иди.

— А если в пустоте ничего нет? — спросил Лёшка.

— Так в пустоте никогда ничего и нет, — Король пожал плечами. — В том и дело. Ты приходишь — и оно появляется. Дом, работа, люди. Везде, куда человек приходит своими ногами, что-то вырастает. А где не ходит — там только трясина. Я тебе просто говорю: не останавливайся.

Сергей посмотрел на него, и в груди что-то шевельнулось — не надежда, нет, надежда была слишком яркой, слишком хрупкой. Это было что-то другое. Спокойная уверенность, будто кто-то рядом тихо сказал: «Я верю, что у тебя получится».

— Спасибо, — просто сказал он.

— И ещё что, — Король допил молоко и вытер губы тыльной стороной ладони. — Ты там, на воле, слух не теряй. Слух — это первое, что теряют. И второе — терпение. Потеряешь слух — начнёшь верить каждому слову. Потеряешь терпение — полезешь на рожон. Ни того, ни другого.

— Понял, — кивнул Сергей.

— Не понял, а запомни. Понять успеешь потом, — Король поставил кружку, поднялся. — Ну, всё. Пойду. У меня дела очень важные: подметать плац и думать.

— А что вы там думаете? — не удержался Лёшка.

— О том же, о чём все, — Король обернулся в дверях. — О том, как жить дальше. Просто я это делаю молча и с

достоинством. Как король.

Он вышел так же спокойно, так же прямо, как и вошёл. А Сергей ещё долго смотрел ему вслед и думал, что не зря этот человек носит такое прозвище.

Татьяна Петровна посмотрела на Сергея, потом на Лёшку.

— Ну, хватит болтать, — строго сказала она, но в голосе её не было злости. — Работа не ждёт. Серёжа, формы готовы. Лёшка, если хочешь помочь — бери кисточку, смазывай. Только аккуратно, не лей лишнего.

Лёшка тут же схватил кисточку, будто боялся, что ему откажут. Сергей улыбнулся — на этот раз уже открыто. Ему было приятно, что Лёшка хочет помочь, что хочет быть частью этого маленького мира, где главное — не кто ты, а что ты умеешь делать.

Они работали молча: Сергей замешивал тесто, Лёшка смазывал формы, Татьяна Петровна следила за печами. Музыка тихо играла — Петлюра пел про осень, про друга, про свободу. И на эти часы, пока они месили, смазывали, пекли, Сергей чувствовал себя свободным. Не по бумаге, не по сроку, а внутри. Свободным от страха, от вопросов, от трясины. Свободным — потому что делал хлеб. И хлеб получался.

А полгода пройдут. Они пройдут. Вопрос «куда» останется. Трясина останется. Но останется и это: руки, которые умеют делать хлеб, и люди, которые знают, что эти руки не зря работают. И, может быть, этого хватит. Может быть, этого — хватит.

Глава 4

КРЫЛЬЦО

Сергей сидел в полдень на крыльце, наслаждаясь редким моментом тишины. Тёплый воздух уже пахнул весной — не той выцветшей, усталой весной, что бывает в конце марта, а настоящей, когда земля будто впервые за долгое время вспоминает, как дышать. Трава у крыльца начинала зеленеть — робко, пятнами, будто сама не верила, что можно расти. Сергей смотрел на эти зелёные островки и думал: «Вот ведь... даже тут, где всё рассчитано по минутам, она пробивается. Ни приказа, ни разрешения не спрашивает».

Он пил чай из старой эмалированной кружки — щербатой, с облупившейся синей каймой, но родной: такую не отберут на шмоне, потому что никому не нужна. И покуривал незаметно, пряча сигарету в ладони, чтобы дым уходил в сторону, к стене. Он знал: если мимо пройдёт кто-то из администрации, будет выговор, а то и сутки в изоляторе. Но сегодня ему хотелось этого маленького бунта — не громкого, не дерзкого, а тихого, для себя. «В курилке вечно кто-то орёт про свои дела, — думал Сергей, — а тут хоть минуту можно побыть одному». Да и переодеться ради десяти минут на воздухе было лень: он был весь в муке, будто его обсыпали с ног до головы. Мука въелась в ткань, в кожу, даже, казалось, в волосы. «Как будто сам становлюсь частью этого теста, — усмехнулся он про себя. — Растекаюсь, поднимаюсь, а потом

меня снова мнут и ставят в печь».

Рядом села Люська — девчонка лет четырнадцати из третьего отряда, которую посылали за мукой. Она села на нижнюю ступеньку, вытянула ноги и вздохнула так, будто несла на себе весь мир.

— Опять за мукой? — спросил Сергей.

— Опять. Складчик же знаю теперь. Один раз отучили, — она дёрнула плечом. — Серёг, а хлеб правда ваш? Ну, который нам дают?

— Наш. Вчера сам ставил.

— А я думала — привозной, — она хмыкнула. — А он, выходит, из рук наших же. Странно. Тут всё из рук друг друга. Никто никому не доверяет, а ест друг у друга.

Сергей посмотрел на неё — и не нашёлся, что ответить. Девчонка сказала за него целую философию, которой он сам ещё не додумал.

— Иди, — сказал он наконец. — Мука ждать не любит.

— Чего она не любит-то? Мука! Мука — это пыль. Пыль никого не ждёт, — Люська встала, отряхнулась. — Это люди ждут. Люди всегда ждут. А мука — она просто есть или её нет.

Она ушла, а Сергей ещё долго сидел и думал про пыль и про ожидание. В таком возрасте — такие слова. И от этих слов было не по себе: будто смотрел в колодец, а оттуда поднимался его собственный голос, только моложе.

Перед обедом, как обычно, пришёл Мерседес — с метлой,

с ведром, с этим своим упрямым видом человека, который делает вид, что ему всё равно, а на самом деле замечает каждую мелочь. Он начал наводить уборку вокруг крыльца, водил метлой по старым доскам, будто пытался вымести не мусор, а саму память о том, что здесь было.

Сергей долго молчал, просто наблюдал, как Мерседес старательно обходит каждую щель. И вдруг слова сами прорвались наружу — те, что он обычно прятал подальше:

— Слушай, Мерседес... А как ты вообще сюда попал? Ну, в эту ситуацию. Как оказался вот так... с метлой и этим статусом?

Мерседес замер. Метла повисла в его руке, как что-то чужое. Он не смотрел на Сергея, только водил носком ботинка по щёбёнке, будто искал там ответ. Минуты тянулись, и Сергею уже стало казаться, что он переступил черту, спросил то, о чём не спрашивают.

— Не надо, Серёга, — тихо сказал Мерседес. — Не лезь.

Но Сергей не отвёл взгляда. И через пять минут, пока Мерседес снова водил метлой, уже медленнее, будто каждое движение давалось с трудом, он всё-таки заговорил:

— Хотел есть. Вот и всё. На ужине не успел доесть селедку. Взял её с собой — в кармане пакет был, специально приготовил. Селедка, хлеб... Сделал бутерброды. В туалете, представляешь? В туалете! Это же вообще... Даже обиженные так не делают. Но я тогда не думал. Просто живот сводило.

Сергей кивнул, не перебивая. Он знал эти правила наизусть: что можно, что нельзя, кто на какой ступени. И понимал, насколько низко опустился Мерседес, сделав те бутерброды в туалете.

— Сложил в карман, — продолжал Мерседес, глядя куда-то мимо Сергея, вдаль, за забор. — И потом, когда все смотрели телевизор, сел на задних рядах, почти рядом с обиженными, и ел. Тихо, чтобы никто не услышал, как я жую. Думал, пронесёт.

— А не пронесло, — тихо закончил за него Сергей.

— Не пронесло, — эхом отозвался Мерседес. — Активисты засекли. Записали. После отбоя позвали в каптёрку... Ну, ты знаешь, как это бывает. А на следующий день всем объявили: «Теперь он — помойка».

Они помолчали. Ветер качнул сухую травинку у крыльца. Сергею хотелось сказать что-то правильное, какое-то слово, которое могло бы хоть немного сгладить эту тяжесть. Но правильных слов не было.

— И вот теперь... — снова заговорил Мерседес, и голос его дрогнул, но он тут же подавил эту дрожь, будто стыдился её. — Не знаю, когда освободиться. И как брат на это всё посмотрит... Он во взрослой колонии. Уважаемым человеком считается. А мне... кроме как к матери, податься некуда. И я боюсь этой встречи. Боюсь, что он уже знает. Или узнает. И не поймёт.

— А ты ему сам скажи, — вдруг предложил Сергей. —

Первым. Пока слух не дошёл.

Мерседес поднял на него глаза — впервые за весь разговор.

— Сам?

— Сам. Пока до него дойдут чужие пересуды, будет поздно. А сам скажешь — это другое. Это твоё слово, и его никто не перепишет.

— Да ты что... а если он меня пошлёт?

— Пошлёт — и пошлёт, — Сергей пожал плечами. — Зато будешь знать правду, а не ждать её всю оставшуюся жизнь. Ожидание хуже любой пощёчины. Я тебе как специалист говорю.

Мерседес вдруг слабо усмехнулся — впервые.

— Специалист, вишь ты... А ты и в самом деле всё это знаешь, да? Про ожидание.

— Знаю. Меня тоже ждали. Или не ждали — я не знаю. Тоже ведь гадаю, — Сергей посмотрел вдаль, за забор. — Вот выйду — и узнаю. Страшно, но надо.

— Страшно, — согласился Мерседес и снова взялся за метлу. — Спасибо, Серёга. Ты... ты первый, кто за год не отвернулся.

— Обиженку отвернуться не у кого, — буркнул Сергей и тут же пожалел о своих словах, но Мерседес только кивнул, словно принял это как есть, без обиды, и дальше подметал — уже чуть легче.

Сергей сжал кружку пальцами так, что эмаль чуть не трес-

нула. Он редко задавал такие вопросы, редко вообще интересовался чужими историями. Для него имена были лишними — хватало тюремной «погремухи»: Мерседес, и всё. Но сейчас он слушал и чувствовал, как эта история ложится тяжёлым камнем и на его собственные плечи.

«А что я скажу, когда выйду? — вдруг подумал Сергей. — Кому я нужен? У меня нет ни брата-авторитета, ни матери, которая ждёт у порога. Есть только Тюмень — город, который я выбрал просто потому, что он первый на пути. Далеко, но не слишком. Чужой, но не совсем. Может, там я смогу снова стать просто Сергеем, а не „тем, кто сидел“».

— Ты не думай, что я жалуясь, — вдруг сказал Мерседес, будто прочитал его мысли. — Просто... иногда надо кому-то сказать. Чтобы не держать это внутри.

— Я понимаю, — ответил Сергей. И это была правда. Он действительно понимал. Не потому, что у него была похожая история, а потому, что знал, каково это — когда весь мир сужается до одного вопроса: «Куда теперь?»

Глава 5

ПЕСНЯ

К вечеру того же дня он сидел один — отряд ушёл на ужин — и вдруг в голове сама собой заиграла песня. Та самая, из «Параграф 48». Он слышал её сотни раз, но сегодня она была будто впервые:

Далеко или близко,

Высоко или низко,
Близко или далеко,
Низко или высоко.
Может, там не будет ночи,
Может, там не будет дня.
Интересно, кто меня
Вспоминать потом захочет.

Он не сразу понял, почему именно эта песня цепляет его сейчас. Но потом догадался: в этих строках была та самая безысходность, которую он чувствовал каждый день, но до сих пор не умел назвать. И вместе с тем — какая-то тихая надежда, будто где-то есть место, где всё наконец станет просто. Где не будут спрашивать «куда» и «откуда», где не будет ступенек и трясин. Где он будет просто Сергеем.

Может, там сады цветут,
В небе ангелы летают.
Точно здесь ещё не знают:
Может, лучше там, чем тут.

Он не поверил в сады — но запомнил строчку. Она легла куда-то глубоко, как монета в копилку. В монастыре он копил такие строчки, как другие копили сигареты.

Глава 6

СУХАРЕВ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

В это время показался первый отряд — раньше обычного. Они шли к столовой, но Сухарев, который вёл их, свернул к

футбольному полю. Сергей сразу понял: сейчас будет «воспитательная работа». Сухарев выстроил отряд в две шеренги вдоль поля.

— Первая шеренга — присесть! — рывкнул Сухарев. — И щипать траву! Всю, до последней травинки!

Первая шеренга опустилась на корточки и поползла по полю, выдёргивая траву с корнем. Потом настала очередь второй. Сергей смотрел на это и чувствовал, как внутри поднимается горькая усмешка. «Вот оно, наше воспитание, — думал он. — Щипать траву, чтобы не расслаблялись. Зимой — скрести снег до асфальта железными щётками, которые сами же и делали на промзоне. А под Новый год — лепить снежные фигуры, чтобы перед комиссией показать, какие мы умелые».

Когда-то и он ходил в клуб, брынчал на гитаре, просто для души. Ему предлагали влиться в местную группу, но он отказался. «Мне хватает пекарни, — отвечал он тогда. — Там свой ритм: замес, расстойка, выпечка. Там всё понятно». В пекарне его ждала Татьяна Петровна — она относилась к нему почти как тётка: подкармливала, следила, чтобы он был опрятен, иногда даже ворчала, если он приходил в слишком замученной одежде. «Ты хоть переоденься, — говорила она, — а то подумают, что мы тут не работаем, а муку на себя насыпаем». И в этих ворчаниях было больше тепла, чем в любых ласковых словах.

Сухарев, ведя отряд, бросил взгляд на Сергея. На секунду

их глаза встретились. Сергей уже успел затушить бычок и спрятать окурок — привычка, доведённая до автоматизма. Сухарев чуть замедлил шаг, будто хотел что-то сказать, но потом только махнул рукой и повёл отряд дальше.

Пару дней назад он заходил к Сергею и говорил:

— Тебе осталось меньше месяца. Ты один тут, кто умудрился не попасть ко мне на крючок. Хитрый, нашёл свою форточку.

И протянул руку. Сергей пожал её — крепко, без лишних слов.

— Хорошего освобождения, — сказал тогда Сухарев. — Дай бог, чтоб мы больше никогда не встретились.

— Спасибо, — сказал тогда Сергей. — И вам того же. Только у вас, кажется, безвыходная работа: сколько ни выходи — все сюда возвращаются.

Сухарев тогда усмехнулся — устало, без веселья:

— Это моя работа такая. Смотрю, как люди мимо двери проходят. Дверь-то открыта. Просто они её не видят. А ты, Пешков, — он ткнул пальцем, — ты дверь видел. Это и спасло.

— А вы дверь видите?

— Я? — Сухарев помолчал. — Я в дверях стою. С обеих сторон по очереди. Года через три скажу тебе, какая сторона лучше.

Теперь Сергей смотрел, как он издевается над отрядом, и думал: «Может, это его способ держать себя в руках. Может,

ему тоже страшно от того, что будет, когда всё это закончится».

Досмотрев эту нелепую картину до конца, Сергей поднялся, потянулся, чувствуя, как затекли плечи, и толкнул дверь в пекарню. В лицо хлынул горячий пар, запах свежего хлеба, муки и чего-то ещё — того самого уюта, который можно найти только в привычном месте. Дверь за ним закрылась, отрезая шум двора, крики, метлу Мерседеса, издевательства Сухарева. Здесь, среди печей и противней, Сергей чувствовал себя почти дома.

Он глубоко вдохнул этот запах и улыбнулся краешком губ. «Ещё немного, — подумал он. — Ещё совсем немного, и я выйду отсюда. И пойду туда, где трава растёт просто так, без приказов. Где можно есть селёдку, где хочется, и не бояться, что тебя за это накажут. Где можно просто быть Сергеем».

Глава 7

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В КОЛОНИИ

Да, у Сергея сегодня был последний день в колонии. Он провёл его на пекарне — учил сменщика и работал вместе с Татьяной Петровной, которая была особенно добра к нему в этот день. Они уже очень привыкли друг к другу за время совместной работы: столько раз стояли бок о бок у раскалённых печей, столько раз делили между собой короткие минуты тишины, когда шум цеха ненадолго стихал. Татьяна Петровна, невысокая, с вечно сбившейся набок косынкой и ру-

ками, покрытыми мелкими шрамами от ожогов, сегодня будто старалась сделать так, чтобы этот день прошёл для Сергея как можно спокойнее.

— Ты не торопись, — тихо сказала она, когда Сергей слишком резко задвинул противень в печь. — Сегодня не надо спешить. Пусть всё идёт как идёт.

Сергей только кивнул, не поднимая глаз. Ему было неловко от этой особой заботы — как будто она пыталась сгладить то, что никак не сгладишь. Но в то же время от её слов становилось чуть легче.

— Вот смотри, — продолжала Татьяна Петровна, показывая сменщику, как правильно замешивать тесто для батона, — тут не сила нужна, тут чувство надо. Чувствуешь, когда оно уже готово? Вот тут, в ладонях. Не по секундомеру, а по тому, как оно дышит.

Сменщик, парень лет двадцати с небольшим, по фамилии Гриша, смотрел на неё с недоумением, будто не понимал, как можно «чувствовать» тесто. Сергей едва заметно усмехнулся: он-то знал, о чём она говорит. За эти годы он научился замечать такие вещи — как меняется запах теста, как по-другому звучит лопата, когда тесто готово, как воздух в пекарне становится тяжелее перед тем, как поставить новую партию хлеба.

— Тёть Тань, я не чувствую ничего, — честно признался Гриша. — Оно у меня просто липкое и всё.

— И правильно, что не чувствуешь, — кивнула она без

упрёка. — Через месяц будешь чувствовать. Через год — не сможет не чувствовать. Руки — они как собака: корми каждый день, и они тебя запомнят. Пропустишь месяц — снова чужие станут.

— А можно я запишу? — Гриша оглянулся в поисках карандаша. — У вас тут одни цитаты, честное слово. Как в умной книжке.

— Книжку не пиши, — Сергей покачал головой. — Руками пиши. Записанное забывается — намешанное остаётся.

— А ты ему Расскажи про тот случай, когда мы чуть печь не заporоли, — вдруг предложила Татьяна Петровна, глядя на Сергея. — Пусть знает, что тут не только про муку.

Сергей помялся, потом неохотно начал:

— Да чего там... Просто я тогда ещё новенький был, торопился. Думал, если быстрее сделаю — быстрее заметят, быстрее... ну, как-то легче станет. А тесто не любит спешки. Оно либо поднимается, либо нет. А я его загнал, и оно... как будто обиделось.

Татьяна Петровна рассмеялась коротким, сухим смешком:

— Обиделось! Вот именно. Как человек.

— А чё дальше-то было? — Гриша подался вперёд — любопытство пересилило стеснение. — Тесто-то поднялось?

— Поднялось. Но криво. Боком. Как будто назло, — Сергей провёл ладонью по столу, будто на нём ещё лежали те батоны. — Татьяна Петровна глянула и говорит: «Переза-

мешивай». Я такой: «Да нормально же!» Она: «Нормально для тебя. А люди это есть будут. Людям кривое не подай». И я перезамешал. И знаешь что? Тот второй хлеб был лучше первого. С тех пор и понял: не спеши. Спешка — это когда тебе, а терпение — это когда людям.

Гриша почесал затылок.

— Это ж будто не про хлеб...

— В пекарне всё не про хлеб, — сказала Татьяна Петровна. — Хлеб — это способ. А про что — в каждом сам разберётся. Кому-то в тридцать лет дойдёт, кому-то никогда.

За час до конца смены она подвела Сергея к третьей печи — той самой, капризной — и будто между делом спросила:

— Ну, рассказывай. Как ты с ней договариваешься? Я же вижу, что договариваешься. Годы вижу. Молчишь, как партизан.

— Да не секрет это, — Сергей улыбнулся. — Светлые к правой стенке, тёмные к левой. Справа жарче.

— Знаю я, что справа жарче, — она махнула рукой. — Я двадцать лет этот жар руками трогала. Ты другое скажи: зачем молчал?

Сергей замялся. Про это он не думал — а теперь, когда спросили, пришлось думать.

— Пусть думают, что руки растут откуда надо, — сказал он наконец. — Не про печь же говорить. Про печь не интересно.

— Интересно, — Татьяна Петровна сняла очки, протёрла

фартуком, снова надела. — Самое интересное, что есть. В пекарне, между печкой и человеком, всё интересное и происходит. Остальное — гужевой транспорт. Ладно. Запомнил — и хорошо. Только теперь один совет. Тебе он дороже всех рецептов. В жизни так же будет: узнаешь, как надо, — не молчи. Поделись. Кто молчит о том, что умеет, — тот его хоронит. А умение, оно как дрожжи: в закрытой банке гибнет, а в тесте работает.

— У меня было четыре года молчать, — тихо сказал Сергей. — Привычка.

— Привычка — она привычка, а жизнь — жизнь. Привычки меняются, если человеком желание есть, — она повернулась к печам. — Всё. Работай. Последний день — работай как первый. Первый день забыть нельзя, последний тоже. Это у меня, между прочим, не цитата. Это правило.

В конце смены она достала из-под стола свёрток — грязноватая тряпица, но узел завязан аккуратно.

— Возьми. Хлебушек домашний, на закваске. К едущему — самое то. И не спорь, я тебе не деньги даю, я тебе память даю. Будешь на вокзале есть — вспоминай, как я тебе орала: «Серёжа, формы, давай быстрее!»

Сергей взял свёрток — тёплый ещё, живой.

— Спасибо, Татьяна Петровна.

— И пиши, если что. Адрес знаешь у кого — у всех пекарей общий адрес: пекарь. Пишешь на конверте «пекарня» — доходишь, — она отвернулась к печам, но он видел, как её

плечи чуть дрогнули. — Иди. Иди, тебе говорят. А то рас-
плачешься тут у меня — мука в глаза попадёт, ох же я буду
ругаться.

Он вышел. Дверь за собой закрыл тихо — как закрывают
дверь в дом, куда ещё вернуться.

Он не стал задерживаться после смены — ему нужно бы-
ло собрать вещи, которые он накопил за срок. В неболь-
шой спортивной сумке лежали письменные принадлежности
(ручки, бумага), зубная паста и щётка, спортивный костюм
и кроссовки. Это всё, что удалось скопить за время заклю-
чения. Сумка была старой, с потёртыми боками и сломан-
ной молнией, которую Сергей кое-как починил с помощью
провода и изоленты. Он долго смотрел на неё, прежде чем
начать складывать вещи, словно пытаясь вспомнить, откуда
она взялась. Кажется, её кто-то отдал, когда он только при-
шёл на пекарню — кто-то из старожилов, кто уже готовился
к освобождению и раздавал всё лишнее.

Вечером к бараку подошёл Король. Постоял в проёме,
оглядел сумку.

— Собрался.

— Завтра.

— Знаю. Поэтому сегодня и пришёл, — он присел на кор-
точки рядом с койкой. — Слушай сюда. На воле тебе будут
три вещи говорить. Первая: «братан, я тебя устрою». Вторая:
«деньги в долг, потом отработаешь». Третья: «надо всего од-
но дело провернуть». Все три — это одна и та же дорога на-

зад. За забор. Услышал любую — понял: трясина.

— Понял.

— Не понял, а запомни, — Король усмехнулся сам себе.

— Вчера сказал — сегодня слышу сам от себя. Старый, что ли, становлюсь. — Он помолчал и добавил уже без усмешки.

— И вот что. Одеколон твой — оставь себе. Я его тебе дарил не на два дня.

— Вы же сами говорили: покинул я вас...

— Говорил. Значит, покинул. Значит, живи, — Король поднялся, отряхнул колени. — Всё, Пешков. Иди. И не оглядывайся на вышку. Смотрящего смотрящий сам не смотрит. Это в порядке вещей.

Он ушёл. Сергей ещё долго сидел на койке и держал в руках флакон одеколona — дешёвого, резкого. «Кто-то подумал о тебе, — думал он. — Значит, есть. Значит, было». Это было не письмо. Но это было больше, чем ничего.

Ночью Сергей почти не спал — ходил по отряду, выходил курить, снова ложился. Сон так и не шёл. Мысли крутились в голове, как заезженная пластинка: что будет дальше, куда идти, что сказать тем, кто, возможно, его ждёт. Он вспоминал лица людей, которых знал до срока, и пытался представить, какими они стали теперь. Время здесь текло иначе, и ему казалось, что за эти четыре года весь мир успел измениться до неузнаваемости.

Контролёры приходили проверять ночью; они знали Сергея как человека, который «отмучался» свой срок без серьёз-

ных проблем или конфликтов. Один из них, высокий, с вечной щетиной и усталыми глазами, задержался у его койки чуть дольше обычного.

— Ну чё, всё отмучился? — спросил он, глядя куда-то в сторону, будто разговор был не с Сергеем, а с самим собой. — Что, не разобрал себя хоть за срок?

— Разобрал, — всё-таки ответил он тихо. — Частично. Остальное там разберу. На воле.

— Ишь ты... На воле. Слышь, Пешков. Совет от бывалого: первое время никому не верь и всем помогай. Это разные вещи, поймёшь потом.

— Не понял, а запомню, — Сергей улыбнулся в темноту.

— Что?

— Так у нас тут один умный человек говорит.

— Значит, двое сказали. Значит, правда, — контролёр хмыкнул и пошёл дальше по отряду, шаркая тапками по линолеуму.

Да, начало срока было непростым: побег, сломанные пальцы, мастырка... Но именно пекарня спасла его тогда, позволила остаться в стороне от больших передраг. Он не хотел вспоминать те дни, но они сами всплывали в памяти — резкие, яркие, как вспышки. Он прогнал их. Завтра начиналась другая дорога.

Глава 8

УТРО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Наступило утро. Отряд начал вставать, включили музыкальный канал для пробуждения — что-то бодрое и неуместно весёлое, от чего хотелось только злиться. Все готовились к завтраку, а затем — к работе в промзоне. Сергею же хотелось одного — чтобы скорее наступил момент вызова из штаба.

Он заварил себе чифирь во время отсутствия отряда, вышел в курилку с кружкой, закурил сигарету и ждал. Уже будучи одетым в спортивную форму, побритый под станок (как любил сам) и даже немного пахнувший одеколоном, подаренным Королём, он выглядел собранным и готовым к выходу. Одеколон был дешёвым, резким, но Сергей ценил его за сам факт подарка — за то, что кто-то тогда подумал о нём.

В курилку заглянул дневальный — парнишка, ещё почти пацан.

— Пешков, тебя в штаб после развода вызовут. Официально, значит.

— Знаю, — Сергей стряхнул пепел. — Жду.

— А ты не боишься? — вдруг спросил дневальный, переминаясь с ноги на ногу. — Ну, на волю... Там же всё незнакомое.

— Боюсь, — честно ответил Сергей. — А что делать? Страх не выбор, он погода. Погода какая есть — с такой и идёшь.

— Погода... — повторил дневальный, будто пробуя слово на зуб. — Красиво сказал. Ты же книжку пишешь, да? Мне Лёшка сказал.

— Пишу. И тебя запишу. Как человека, который первым спросил меня не «сколько отсидел», а «не боишься ли».

Дневальный смутился, козырнул неуклюже и убежал.

Когда отряды ушли на развод, дневальный позвал Сергея:

— Пора идти в штаб!

Сергей замер на мгновение, будто ждал этого слова всю жизнь. Потом медленно кивнул, допил остывший чифирь, смял пустую пачку из-под сигарет и сунул её в карман — на память, как билет из другой, прежней жизни.

Ещё раз пожелав удачи, Сергей развернулся и пошёл через плац в сторону административного здания. Его срок закончился. Под ногами хрустел мелкий гравий, а воздух был прохладным, с запахом сырой земли и далёкого дыма. Сергей глубоко вдохнул, стараясь запомнить этот запах — запах свободы, пусть даже пока ещё чужой и непривычный.

Глава 9

ПРОЦЕДУРЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Дойдя до первой локалки перед штабом, Сергей позвонил в звонок. Ему открыли решётчатую дверь, он вошёл внутрь, её закрыли за ним с тяжёлым, окончательным лязгом. Поднялся по ступенькам на крыльцо штаба. Краска на перилах облупилась, ступеньки были неровными, и он машинально отметил это — будто мозг цеплялся за любые мелочи, лишь бы не думать о главном.

После этого открылась массивная металлическая дверь на

электрическом замке. Внутри дежурный попросил назвать фамилию, имя и отчество полностью.

— Пешков Сергей... — сказал он и сам себя поправил: — Пешков Сергей Сергеевич.

— Дата рождения?

— Назвал.

— Всё, — дежурный закрыл журнал. — С этого места ты, Пешков, больше не статья и не номер. Ты просто гражданин. Понял?

— Понял.

— Не понял, а... — дежурный осёкся, посмотрел на него внимательнее. — Ладно. Книжку потом свою пиши. А сейчас получай паспорт и справку и проваливай.

Он получил паспорт со справкой об освобождении («вольный билет») — документ, который одновременно давал свободу и ставил невидимую метку. Бумага была тонкой, почти невесомой, но казалась тяжёлой в его руках.

Его провели дальше через ещё одну решётку, которую закрыли за ним. С воспитателем он дошёл до следующей двери, ведущей уже непосредственно в здание штаба. Там находилась бухгалтерия, где ему выдали суточные деньги и билет на поезд. Деньги были небольшими, но Сергей аккуратно сложил купюры и убрал их в карман, стараясь не показывать, как дрожат пальцы. Билет пах типографской краской и чем-то ещё — может быть, надеждой.

— Билет на Тюмень, — заметила бухгалтер, женщина

немолодая, с очками на цепочке. — Далеко едешь?

— Как получится.

— Далеко — это хорошо, — она вдруг спокойно отложила ручку. — Отсюда двое моих так же уезжали. Один вернулся через год, второй не вернулся до сих пор. Но оба — живые. Слышу иногда.

— И что это значит? — спросил Сергей, сам не понимая, зачем спрашивает.

— А то и значит, — она вернулась к ведомости. — Далеко — это когда у тебя в жизни появляется вторая попытка. Не у всех она бывает. Береги её, парень.

— Постараюсь.

Отрядник проводил его до центрального входа, но провожать до остановки отказался.

— Дальше сам, — коротко бросил он, не глядя Сергею в глаза. — Тут недалеко.

— Ясно. Спасибо, что хоть до входа.

— Обычная работа, — отрядник пожал плечами и вдруг, спохватившись, добавил: — Эй. Не возвращайся, а?

— Постараюсь. Мне уже говорили. Видимо, правда важная — если все повторяют.

Сергей заверил, что не заблудится. Получив документы и деньги, он убрал их в карман и направился к остановке, расположенной примерно в трёхстах метрах вдоль забора. Шаги давались тяжело, будто ноги не верили, что им больше не нужно спешить по распорядку.

По пути он оглянулся на колонию: надпись «Запретная зона», колючая проволока сверху, вышка на углу — всё это оставалось позади. Сергей долго смотрел на вышку, пытаясь запечатлеть в памяти каждую деталь: как блестит на солнце проволока, как скрипит на ветру металлическая конструкция, как неподвижно стоит силуэт охранника. Это был не просто пейзаж — это была целая жизнь, которую он оставлял позади.

— Прощай, — тихо сказал он. И не знал, кому именно — вышке, плацу, запаху гравия. Но попрощался. Со всеми.

Дошёл до остановки, как раз подъехал жёлтый автобус. Сергей поднялся по ступеням, сел на сиденье, спросил стоимость билета, заплатил и устроился удобнее, положив сумку на колени. Сумка казалась теперь тяжелее, чем раньше, — будто в ней лежало не несколько вещей, а весь его прошлый мир.

Глава 10

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ СВОБОДЫ

Сидя в автобусе, Сергей смотрел на проезжающие машины, людей вокруг. За четыре года многое изменилось. Он скучал по обычной жизни: люди спешат по своим делам, каждый занят своими заботами, никто не смотрит на него с подозрением, никто не проверяет, правильно ли он стоит, правильно ли дышит. Это была свобода в мелочах — в том, как женщина рядом нервно листает ленту в телефоне, как

подросток в наушниках покачивает головой в такт музыке, как водитель устало смотрит на дорогу, будто знает её наизусть.

Сергея охватывало чувство очарования этим миром — такое острое, что почти причиняло боль. Больше всего сейчас ему хотелось мороженого — он соскучился по этому вкусу за весь срок. Мысленно представлял, как выйдет на вокзале, купит пирожок и обязательно найдёт магазин с мороженым. Он даже придумал, какое возьмёт — ванильное, в вафельном рожке, чтобы хрустело на зубах.

Рядом с ним сидела пожилая женщина с большой сумкой. Она посмотрела на Сергея, будто хотела что-то сказать, но потом только тихо вздохнула и отвернулась к окну. Долго сдерживалась — и всё-таки не сдержалась:

— Едешь далеко, милоч?

— Далеко.

— Тюмень, что ли?

— Сначала Тюмень, потом посмотрим, — он усмехнулся.

Женщина почему-то кивнула с пониманием, будто слышала в его голосе что-то знакомое.

— Мой тоже так когда-то говорил. «Сначала — потом посмотрим», — сказала она. — А потом так и осел в чужом городе. Сорок лет уже. Пишет, звонит, но не едет. Что-то там его держит — то ли работа, то ли память.

— А вы не обижаетесь, что не едет?

— Была молода — обижалась. Постарела — поняла, —

женщина пожала плечами. — Куда человек уехал, туда уже не вернёшься. Даже если приедет в тот же самый город. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Сергей тихо. — В тот же самый город уже не вернёшься.

Женщина посмотрела на него внимательно, будто увидела впервые, и больше не спрашивала — только перед самой своей остановкой протянула ему конфету в блестящей обёртке.

— На, милок. К чаю будет. Счастливого пути.

— Спасибо, — Сергей взял конфету и долго держал её в ладони — маленькую, гладкую, тёплую от её руки.

Так, погружённый в эти простые мечты, Сергей доехал до вокзала. Вокзал встретил его шумом, суетой и запахом горячего кофе из ларька. Сергей остановился на мгновение, вдыхая этот запах, и улыбнулся — впервые за долгое время по-настоящему, без напряжения. Впереди была неизвестность, но впервые за четыре года она казалась не пугающей, а манящей.

Глава 11

ВОКЗАЛ

Сергей вышел из автобуса и медленно направился к зданию вокзала. Тюмень встретила его величественным сооружением из стекла и бетона — совсем не таким, каким он помнил его четыре года назад. Металлические рамки металлоискателей у входа казались пришельцами из другого мира,

напоминая о том, как сильно изменилась жизнь за время его отсутствия.

Его взгляд невольно скользил по вокзальной площади: беспризорники, выпрашивающие мелочь, ловкие карманники, шныряющие в толпе... Всё это было знакомо, но казалось чужим, будто из прошлой жизни. Он остановился на мгновение, впитывая атмосферу, которая когда-то была ему так привычна.

До отправления оставалось полчаса. Сергей решил перекусить и купил беляш и мороженое.

— Один беляш, — сказал он продавщице в ларьке.

— Один? Молодой, а глаз-то голодный. Второй возьми, они горячие, только с плиты, — женщина с лопастью в руке выглядела так, будто всю жизнь продавала беляши и никогда не ошибалась насчёт голодных глаз.

— Ладно. Два.

— Вот и умница. Кушай на здоровье. Откуда едешь-то, если не секрет?

— Издалека.

— Все издалека, — она вздохнула и протянула ему беляши в бумажке. — Город великий: кто проездом, кто навсегда. Ты уж гляди, не потеряйся.

Первый укус беляша вызвал волну ностальгии — такая простая, но долгожданная еда после однообразной пищи в колонии. Мороженое таяло во рту, а он наблюдал за табло отправлений, ожидая своего поезда. Ванильное, в вафельном

рожке — и хрустело на зубах. Как и думал. Мелочь. Но на такой мелочи и держится вера, что всё будет как задумано.

Когда объявили его рейс, Сергей направился к шестой платформе. Вокзал жил своей жизнью: люди спешили, суетились, кто-то смеялся, кто-то плакал, провожая близких. Он чувствовал себя немного потерянным в этом людском водовороте, но в то же время испытывал странное возбуждение от возвращения к свободной жизни.

Купив в дорогу семечки и чипсы, он подошёл к контролёру. Женщина в форменной одежде внимательно проверила его билет и паспорт, после чего сообщила номер места. Плацкарт... Самый дешёвый вариант, но сейчас это не имело значения.

— Верхняя полка, — сказала она, пробивая билет. — Далеко едешь?

— Далеко.

— Ну и хорошо. Верхняя — она как будто для тех, кто едет далеко. Смотришь оттуда на всех сразу и никто тебя не трогает. Отдыхай.

— Спасибо, — Сергей взял билет и вдруг добавил: — А вы всегда так душевно?

— Всегда, — женщина усмехнулась. — Иначе за смену-то как оставаться? Люди-то едут — у каждого своя история. Нам только слушать и оставаться.

ПОСАДКА В ВАГОН

Зайдя в вагон, Сергей сразу окунулся в знакомую атмосферу плацкарта: запах носков и пота смешивался с ароматами еды, которую пассажиры достали из сумок. Характерный запах поезда вызвал волну воспоминаний — но не страшных. Просто воспоминаний.

Его ждала верхняя полка. Пока поезд не тронулся, он решил расположиться наверху, чтобы не мешать другим пассажирам. Лежа на полке, он наблюдал за суетой внизу, за людьми, которые спешили занять свои места, достать вещи из сумок.

Когда движение в вагоне немного утихло, Сергей решил заварить чай. Подойдя к проводнице, он попросил стакан, но та была занята раздачей белья. Ожидание показалось ему символичным — как ожидание новой жизни, которая только начиналась.

Выйдя в тамбур, он закурил. Первый перекур на свободе... Дым сигареты казался особенно вкусным, а воздух — свежим. Поезд медленно тронулся, унося его к новой жизни. Сергей стоял у окна, наблюдая, как удаляется вокзал, как за окном мелькают дома, деревья, столбы.

В голове крутились мысли о будущем. Он пытался не думать о трудностях, которые могли встретиться на пути, и сосредоточиться на настоящем моменте. Песня Петлюры, которую он часто слушал в колонии, невольно всплыла в памяти:

Так зачем я на свет появился?

Так зачем меня мать родила?

Эти строки всегда находили отклик в его душе, заставляя задуматься о смысле жизни, о своём предназначении. Но сегодня он впервые поймал себя на другом: вопрос был — а ответ теперь искался не в песне, а за окном, в летящей мимо земле, на которой кто-то сеял, пахал, жил.

Поезд набирал скорость, унося его всё дальше от Тюмени, всё ближе к неизвестному будущему. Сергей стоял у окна, вдыхая полной грудью воздух свободы, и пытался поверить, что всё самое сложное уже позади.

— Куда путь держишь? — спросил сосед по вагону, пожилой мужчина с седой бородой.

— В неизвестность, — усмехнулся Сергей. — Точнее, в новую жизнь.

— Молодо-зелено, — покачал головой попутчик. — Без плана, значит, едешь?

— План есть. Просто он пока не совсем чёткий.

— Правильно, — неожиданно согласился мужчина. — Иногда лучше идти, чем стоять на месте.

— А вы куда?

— А я домой, — мужчина кивнул в окно. — Только дом теперь тоже неизвестность. Двадцать пять лет в школе работал, уехал — а там меня никто не ждёт. Даже кошка. Жена сказала: «Кошка привыкла к соседке». Вот и вся цена человеку, который уезжает.

— Может, вернётся?

— Куда вернёшься? В школу? Уже молодые пришли. В город? Там мне пахать нечем. Домой, милок, домой. Дом — он не место, дом — это привычка. Привыкну заново — и заживу.

— А вы что ж, без адреса тоже?

— Без адреса, милок. Ну, тогда слушай старика: первое время хватайся за любую работу — хоть грузчиком, хоть дворником. Не для денег, а чтобы руки заняты были. Руки без дела — они беду ищут.

— Слышал уже почти то же самое, — сказал Сергей, и попутчик посмотрел на него удивлённо.

— От кого же?

— От пекаря. Она учила.

— От пекаря? — мужчина вдруг расхохотался, сверкая белыми зубами. — Так ты хлебу учился?

— Учился. Четыре года.

— Значит, не пропадёшь. Хлеб в человеческих руках — это как огонь в пещере. Пока человек умеет зажигать — он человек.

Они разговорились. Попутчик оказался бывшим учителем, который тоже начинал жизнь заново после долгих лет работы в школе. Их беседа помогла Сергею немного отвлечься от тревожных мыслей о будущем.

В тамбуре он встретил парня примерно своего возраста, который тоже курил и смотрел в окно.

— Первый раз едешь? — спросил незнакомец.

— Нет. Но как будто первый.

— Понимаю, — кивнул парень. — Иногда возвращение домой кажется страшнее, чем первый путь.

— А у тебя как?

— А у меня — домой. После армии. Два года не был. Всё боюсь: вдруг все уже другие стали? Мать постарела, дружки разъехались, девушка, может, замуж вышла. И вот стою тут, перед возвращением — и как будто в первый раз еду.

— И что делать будешь?

— А что делать? Поехал и увидим. Страх, он же не запрет путешествовать. Он как дорожная грязь — налипает, а ехать всё равно можно.

Этот короткий разговор оставил странное послевкусие. Сергей вдруг осознал, что не одинок в своих переживаниях, что многие люди проходят через подобные моменты в жизни.

Глава 13

НОЧНОЙ ПЕРЕКУС И ВСТРЕЧА

Сергей медленно просыпался на своей верхней полке. За окном сгущались сумерки, окрашивая мир в тёмно-синие тона. Поезд мерно покачивался, унося его всё дальше от прошлого. В плацкартном вагоне царила особая атмосфера: кто-то храпел, кто-то ворочался, а где-то в углу тихо шептались попутчики.

Женщина напротив, которую звали тётя Люба, первой заметила пробуждение Сергея. Её добрые глаза светились теплотой и участием. Она достала из сумки аккуратно уложенные в контейнер варёные яйца, свежие помидоры и огурцы.

— Проснулся, милочек? — её голос был мягким, почти материнским. — Покушай с нами, я вижу, что ты голодный.

Тётя Люба нарезала овощи тонкими ломтиками, раскладывала их на одноразовой тарелке. Сергей, чувствуя неловкость, всё же принял угощение. Он взял один огурец, помидор и два яйца, быстро съел, стараясь не показывать, насколько соскучился по нормальной еде.

Тётя Люба, заметив его стеснение, мягко улыбнулась:

— Ешь, не стесняйся, Серёженька. Я же вижу, как ты давно нормальной еды не пробовал.

— Откуда видно?

— А так видно, — она пододвинула ему контейнер. — Как едешь — все с багажом. А у тебя багаж — душа. Она всегда голодная, когда её долго не кормили.

Сергей замер с огурцом в руке. Он привык, что о нём говорят в терминах судимостей и сроков, а тут — душа и еда.

— А вы откуда едете?

— Внучка у меня в Тюмени живёт. Первый раз одна поехала туда смотреть. А я, старая, до второй станции всё не успокоюсь: не доехала ли, не уронила ли чемодан. Ты вот как — один едешь?

— Один.

— Понятно, — она вздохнула, но не стала допытываться.
— Один — это тоже дорога. Ты только помни: один — не значит один навсегда. Люди на дороге разные попадают. И плохие есть, и хорошие.

После перекуса Сергей вышел в тамбур покурить. В вагоне становилось всё тише, пассажиры погружались в сон. В тамбуре было прохладно и пусто. Сергей облокотился на перила, глубоко затягиваясь сигаретой. Мысли о будущем не давали ему покоя.

В тамбур вошёл молодой человек. Худощавый, выше Сергея на полголовы, одетый скромно, но со вкусом. На пальце у него блеснул небольшой перстень, заклеенный пластырем. На костяшках правой руки Сергей заметил характерные точки татуировки — знак того, что человек сидел в одиночке.

— Дружище, я сразу вижу, что ты из наших. Недавно откинулся, да? — произнёс парень.

Сергей не стал юлить:

— Да, откинулся с малолетки.

Незнакомец представился Толиком и начал расспрашивать о жизни: есть ли деньги, знакомые в городе, где собирается жить. Узнав, что Сергей одинок и никому не известен в Тюмени, Толик спросил, умеет ли Сергей играть в карты. Сергей умел прилично для своего возраста.

Толик рассказал о своей группе картежников:

— Мы постоянно ездим по поездкам, играем в карты. Нам как раз не хватает одного человека. Если умеешь играть —

можем взять тебя в долю.

Сергей, понимая, что ему нужны деньги на первое время, согласился подумать. Толик объяснил правила игры:

— Работаем с вахтовиками, играем в «двадцать одно». Сначала немного поддаём, чтобы они поверили в удачу, а потом начинаем обыгрывать всерьёз.

— А если они поймут? — спросил Сергей.

— Не поймут. Мы мягко работаем. Человек в поезде — он расслаблен, ему скучно, ему играть хочется. Мы ему игру и даём. Он сам себе первый помощник, — Толик ухмыльнулся. — Мы не грабим. Мы играем. Это совершенно разные вещи.

— Совсем разные, — Сергей качнул головой. — А если он вахтовик с семьёй, с тремя детьми?

— А что я, социальный работник? — Толик развёл руками. — Каждый сам за свои деньги отвечает.

— Умею считать. Поэтому и считаю, что в эту игру лучше не играть.

— Странно. Сначала сказал: деньги нужны. Теперь: не играю. Ты, дружище, как в консерватории: без нот поёшь.

— Пойду посмотрю на игру, — сказал Сергей. — Посмотрю и решу.

Они перешли в другой вагон, где сидели вахтовики. Толик представил Сергея:

— Вот, парни, познакомьтесь — Сергей. Тоже хочет провести время, покидать колоду.

Вахтовики, уже подвыпившие и настроенные на развлечение, с энтузиазмом согласились сыграть. Сергей начал тасовать карты, демонстрируя своё мастерство:

— Давайте начнём с малого. Кто сколько ставит?

— А ты кто такой, что ставки назначаешь? — прищурился один из вахтовиков, крепкий, с загаром от каски.

— А я тот, кто умеет перетасовывать. А перетасовывать — это половина игры. Хочешь проверить — ставь. Не хочешь — не ставь. Воля твоя.

— Ха! Наглый какой! Ну, давай. Тысячу на кон.

Игра началась. Сергей умело манипулировал колодой, но старался не показывать все свои приёмы, чтобы не спугнуть новичков. Вахтовики, воодушевлённые первыми выигрышами, начали повышать ставки.

— Эх, сегодня моя удача! — радостно кричал один из вахтовиков, выкладывая на стол крупную купюру.

Сергей, сохраняя хладнокровие, продолжал игру. К утру вахтовики потеряли значительную сумму.

В какой-то момент старший из вахтовиков вдруг отложил карты и посмотрел на Сергея внимательно:

— Слушай, братец... А ты не из Москвы? Лицо знакомое.

— Нет, я не из Москвы.

— А откуда же?

— Издалека. Из той жизни, где каждый сам за себя, — Сергей собрал карты веером. — Давай ещё раз? Или хватит?

Вахтовик посмотрел на свои оставшиеся купюры, потом

на Сергея, потом на Толика — и вдруг всё понял. Толкнул стакан, крикнул, вздохнул:

— А, ну и хватит. Своё — своё. Ладно, мужики, кинули вы меня красиво. Гадко, но красиво. Желаю здоровья — вы мне его уже скушали.

— Спасибо на добром слове, — Толик ухмыльнулся.

— Слушай, а ты, — вахтовик кивнул на Сергея, — а ты, я гляжу, не совсем своё место в этой шайке нашёл. Какая-то ты не такая.

— Из тех, кто много раз падал и устал падать, — тихо ответил Сергей.

Под утро Толик отвёл Сергея в сторону и протянул часть выигрыша:

— Вот твоя доля. Если надумаешь к нам присоединиться — знаешь, где нас найти. Любой подскажет, кто такой Толик Туз.

— Знаю, — Сергей взял деньги, чувствуя их тяжесть в кармане. — Спасибо, Толик. Но я не буду.

— Это не по понятиям, дружище. Ты заработал — ты должен взять.

— Взял. Один раз. И это всё, — Сергей посмотрел ему в глаза. — Ты скажи мне как человек: ты когда в последний раз спал спокойно?

— А чё такое спать? Я в поезде сплю, — Толик усмехнулся.

— А я про другое. Про то, когда голова на подушку ло-

жится и в ней ни одного человека, которому ты за последнее время что-то испортил, — Сергей качнул головой. — У меня четыре года было на это времени. Я понял: тихая совесть — это самая дорогая валюта. Дороже, чем эта твоя доля. Не в обиду.

Толик помолчал. Потом вдруг сказал — уже не с усмешкой:

— Знаешь, ты первый, кто мне это сказал в лицо. Все обычно молчат или кланяются. А ты в лоб.

— Потому что мне нечего у тебя просить. Когда человеку нечего просить, он может говорить правду. Это единственная роскошь бедного.

— Хорошо сказано, — Толик покачал головой. — Жаль, что поздно мне такие слова. Ну, ладно. Езжай, Серёга. Если надумаешь — найдёшь меня. А если не надумаешь — я буду на тебя злиться неделю, но пожелать удачи.

— Спасибо. И тебе удачи. Только удачу одну на двоих не надо — лучше каждому по своей.

— Ха! — Толик рассмеялся. — Философ! Ладно, ладно. Иди.

Сергей поблагодарил его, но твёрдо решил, что это будет единственный случай. Он не хотел возвращаться к старому образу жизни, хотя деньги были нужны как воздух.

В тамбуре он узнал от Толика о других группировках, работающих в поездах:

— Есть ребята, которые используют наркотические веще-

ства, чтобы усыплять вахтовиков, грабят их и выпрыгивают на станциях. Потом звонят в милицию, чтобы те сняли пассажиров на следующей станции.

— А вы чем лучше?

— А тем, что мы не дурим, — Толик пожал плечами. — Мы честно отбираем. Ну, то есть не честно, но без химии. С людьми работаем по-человечески.

— Разница маленькая.

— Разница всегда маленькая. Только она вся и есть, — Толик вдруг посерьёзnel. — Слушай, я тебе не рекомендую, а предупреждаю: если увидишь в тамбуре парня, который всем подряд предлагает «гостинцы», сигареты «со вкусом», конфетки «вкусные» — сразу откажись. Пусть даже обидятся. Обида — это переживаемо. А отравление — это вечно.

— Понял. Спасибо за предупреждение.

— За предупреждение не благодари. Остерегайся. Удачи тебе, Серёга. Ты, я гляжу, из тех, кто не падает.

— Из тех, кто много раз падал и устал падать, — повторил Сергей.

— Ну, это и есть характер, — Толик усмехнулся и вышел в тамбур.

Сергей решил держаться от таких людей подальше.

Вернувшись в свой вагон, Сергей застал тётю Любу за приготовлением завтрака. Она снова предложила ему поесть, но Сергей вежливо отказался, сославшись на то, что уже наелся с дороги.

— Наелся? — тётя Люба насмешливо подняла бровь. — От тебя дуло, милоч. Давай, не упирайся. Вот тебе яйцо, вот огурец, вот кусок хлеба с маслом. Кушай.

— Тётъ Люба, я правда...

— Я не спрашиваю. Я кормлю. Есть разница, — она положила еду перед ним. — Ты не глотай торопливо, ты спокойно ешь. Я же вижу, что ты не просто с дороги — ты издалека. Из такой дали, где, наверное, и еда-то была не еда.

— Была, — признался Сергей. — Иногда даже и не еда была.

— То-то же, — она пододвинула к нему соль. — Кушай спокойно. И запомни, милоч: в этой жизни самое главное — не дать злобе себя съесть. Злоба, она как наездница: оседлает — и поедешь уже не туда, куда хотел. А туда, куда она захочет.

— Вы откуда это знаете?

— Из жизни, милоч. Из самой простой и длинной жизни, — тётя Люба вздохнула. — Дед мой, покойник, всю жизнь ворчал: «Не держи в сердце гвоздей». Вот и я тебе то же говорю.

Сергей вдруг почувствовал, как что-то щемит в груди — тепло и боль одновременно. Он вспомнил Татьяну Петровну, Короля, пекарню — всех тех, кто в разные годы говорил ему простые слова, которые он прятал в себе, как монеты в кармане.

— Спасибо вам, тёть Люба, — сказал он тихо.

— Не за что, милоч. Ешь, — она отвернулась к окну, будто боялась, что он увидит в её глазах слёзы. — Ешь. Это яйца, они вкусные, я их сегодня утром сварила.

Сергей ел и думал, что если все люди на свете кормят так просто и без вопросов — то, может быть, и правда стоит поверить в то, что мир не весь состоит из заборов.

Глава 14

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ТЮМЕНИ

Поезд медленно подкатывал к перрону. Сергей стоял у окна, наблюдая, как приближается Тюмень. Весенний воздух наполнял его лёгкие свежестью, а в душе боролись противоречивые чувства: страх и надежда, тревога и предвкушение.

Проводница, заметив его задумчивость, улыбнулась:

— Ну что, земляк, на свободу?

Сергей кивнул, не отрывая взгляда от приближающегося вокзала.

— Свобода... — повторил он тихо. — А вы не знаете, где тут можно поесть недорого?

— Так вон, — проводница махнула рукой в сторону вокзала. — Там и столовка, и ларьки. Только смотри, милоч, не вздумай ночевать на вокзале. Вокзал ночью — место опасное.

— Спасибо за совет.

— Да не за что, — она вдруг посмотрела на него с теплотой. — Ты уж, земляк, держись. Жизнь — она как поезд:

останавливается, потом едет дальше. Главное — не выпрыгивать на ходу.

Выйдя из вагона, он вдохнул полной грудью. Тюмень встретила его ярким солнцем и тёплым ветром. Сергей медленно шёл по перрону, стараясь не попадаться на глаза милиционерам.

У выхода с вокзала он купил пару беляшей. Тёплый хлеб казался особенно вкусным после долгого пути. Сергей откусил кусок, и воспоминания о пекарне нахлынули волной — жар печей, голос Татьяны Петровны, трещина на корке, похожая на улыбку. Он стоял на перроне с беляшем в руке и чувствовал, что хлеб связывает его с той пекарней, как верёвка связывает лодку с берегом. Берег уже далеко. Но верёвка есть.

Внезапно его внимание привлёк шум у входа. Группа подростков крутилась возле вокзала, явно занимаясь не совсем законными делами. Один из них, высокий, в спортивной куртке, посмотрел на Сергея — оглядел с ног до головы, оценивая, как оценивают потенциальную добычу.

Сергей встретил его взгляд спокойно, без вызова и без страха. Он знал этот взгляд — так смотрели и в колонии, когда мерили новичка. Он не отвёл глаз, не поддался — просто посмотрел и пошёл дальше. Парень проводил его взглядом, но не последовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.